

М. Е. СЕРГЕЕНКО

ИТАЛИЙСКИЙ ПЛУГ

Один из лучших знатоков материальной культуры древнего мира Г. Блюмнер полагал, что уцелевшие сочинения римских писателей-агрономов превосходно, до мелочей, познакомили нас с сельскохозяйственным бытом древней Италии. Вряд ли можно согласиться с этим мнением. Наши знания в упомянутой области далеко недостаточны, и как раз наши знания о технике пахоты и устройстве италийских плугов страдают досадными и очень существенными пробелами. При нынешнем состоянии нашего материала — письменного и археологического — мы не можем дать ни истории италийского плуга, — а у него, конечно, была длинная история, в ходе которой делались различные изменения и усовершенствования, — ни отнести к определенным местностям известные нам типы плуга. Можно с уверенностью ручаться, что этими плугами отнюдь не представлены все виды италийского плуга. Мало того: мы знаем, какие части имелись в италийском плуге, и ничего не знаем о соотношении этих частей: если бы нас попросили охарактеризовать прирейнский плуг или украинский сабан, и мы ответили бы только перечислением частей, имеющих у одного и у другого, то такая характеристика вряд ли бы удовлетворила кого-либо. Между тем для италийских плугов мы только это и можем сделать: до нас не дошло ни одного подлинного плуга, а составлять числовые пропорции на основании игрушек и вотивных статуэток имеет такой же смысл, как описывать внешний вид древнегреческих волов на основании танагрской статуэтки VII в. до н. э., изображающей пахаря за плугом. Самая техника пахоты в древней Италии далеко не ясна; еще в недавнее время она служила или темой для бесцветного рассказа, или поводом для злого спора, который так и остался не разрешенным, а только отложенным.

Сказанного, думается, достаточно, чтобы убедиться в том, насколько неполны наши знания по одному из самых важных вопросов сельскохозяйственной жизни древней Италии. Постараемся хотя бы до некоторой степени осветить его и понять то, что сообщают нам о плуге и пахоте наши источники.

Источники. Они распадаются на две категории: археологические и письменные. К первым относятся: а) статуэтка пахаря из Ареццо, датируемая VI в. (была в Риме, Villa Tullia); б) статуэтка плуга из Теламоне (хранилась во Флоренции); в) статуэтка из Чивита Кастелляна, датируемая II в. (находится в Нью-Йорке, в Городском музее); г) монеты последнего века республики, а также императорского времени. Письменные источники представлены Катонем („Сельское

хозяйство“); Варроном („Сельское хозяйство“, I, 29 — главное место — и отдельные замечания, рассеянные по всей книге, а также „Латинский язык“, V, 135 — названия плужных частей); Вергилием („Георгики“, I, 160 — описание плуга) и его комментатором Сервием; Колумеллой (II, 2, 22—28 — описание пахоты) и Плинием („Естественная история“, XVIII, 171—180 — виды плуга и „законы пахоты“).

Части плуга. Начнем с наиболее легкого и наименее спорного: с терминов, обозначающих разные части плуга. Их дают Варрон, Вергилий и Сервий. Варрон („Латинский язык“, указ. место) перечисляет плужные части: „лемехом“ (vomer) эта часть называется потому, что ею плуг выбрасывает землю¹; „зубом“ (dens) потому, что она кусает землю. Прямая палка, которая стоит над лемехом, называется „рукояткой“ (stiva — от stando), поперечина к ней названа manicula, потому что пахарь держится за нее рукой (manu). Та часть, которая, как дышло, находится между волами, называется „грядилем“ (bura — от bubus). Один из позднейших лексикографов объяснял bura, как „искривленную заднюю часть плуга“ (Ноний, 80, 16), т. е. считал, что bura — это рукоятка. Основание для такого комментария дали позднейшие плуги с прямым грядилем и кривой рукояткой². Для времен республики и ранней империи толкование Варрона единственно правильное, и мы должны безоговорочно принять его, во-первых, потому, что Варрон, интересовавшийся и сельским хозяйством, и словарным составом латинского языка, хорошо знал технические сельскохозяйственные термины; во-вторых, в его „Сельском хозяйстве“ имеется одно место (I, 19, 2), устраняющее всякие сомнения относительно значения bura: „Бывает земля, которую волы могут поднять, только напрягая все силы, причем часто лемех остается в земле, а bura ломается“: ясно, что при напряженной тяге и большом сопротивлении, которое земля оказывает этой тяге, ломается главная тяговая часть пахотного орудия, т. е. как раз грядиль, а не рукоятка. От Варрона же мы узнаем, что при заделке семян „к лемеху приделываются две дощечки“ (I, 29, 2); доски эти, как сообщает Вергилий, назывались „ушами“ — название, до последнего времени сохранявшееся на всем романском юге. Вергилий называет еще часть плуга, пропущенную у Варрона: dentalia — слово, которое Сервий объясняет, как „дерево, на которое надевается лемех“, т. е. подошва. Итак, вот части италийского плуга:

vomer	или dens	лемех
dentale	или во мн. ч. dentalia	подошва
bura	или buris	грядиль
	stiva	рукоятка
	manicula	поперечина к рукоятке
tabellae	или aures	„дощечки“ или „уши“

Кроме того, из Плиния (указ. место) мы узнаем, что — в императорское время, по крайней мере, — имелись плуги, снабженные кривым резакком.

Какую форму имели все упомянутые части? Ответить на этот вопрос позволят те памятники материальной культуры, о которых говорилось выше.

Памятники эти дают далеко не однородный тип плуга: на каждой из упомянутых статуэток мы видим совершенно особый плуг; плуги

¹ Варрон производит vomer от слова vomere „рвать“ (vomitus — „рвота“): лемех „рвет землей“.

² См. А. S. F. Gow. The Ancient Plough. JHS, 34, 1914, pl. 2, p. 274.

с монет Вибия Пансы (табл. 1, рис. 1), Сципиона Метелла (табл. 1, рис. 2) и Тиберия Гракха (табл. 1, рис. 3) одинаковы; плуг на монетах Юлия Цезаря (табл. 1, рис. 4) несколько отличен, а плуги с монет Мария (табл. 1, рис. 5) представляют собой нечто совсем иное. Рассмотрим каждый тип в отдельности.

Плуг из Чивита Кастелляна. Плуг этот может служить наглядным пояснением вергилиевых слов: „В лесу с большим усилием сгибают для грядиля вяз, заставляя его принять форму кривого плуга“ („Георгики“, указ. место). На статуэтке перед нами очень толстый сук с другим суком, который притянули и привязали к первому, заставив согнуться для грядиля. Он целиком сохранил форму древесной ветки: круглый, более толстый у основания, несколько обтесанный и постепенно утончающийся к концу, где он, с помощью двух больших костылей, скрепляется с дышлом. Подошва тоже сохраняет округлую форму сука; она примерно вдвое короче грядиля и, вероятно, была заострена на конце, чтобы легче войти в железную трубку, представляющую собой один из видов „надеваемого лемеха“ — *vomeris inutilis* Катона (135,2). Съёмные лемехи Катон называл „превосходнейшими“; в рабовладельческих хозяйствах его времени они были, повидимому, очень распространены; по крайней мере, в инвентарной описи масляного сада Катон упоминает „шесть плугов с лемехами“ (10, 2); лемехи мыслились, как нечто отделяемое от плугов, и в описи виноградника они и поставлены отдельно: плуги упоминаются среди предметов, сделанных из дерева (телеги, ярма), а лемехи — среди железных орудий (топоры, клинья, лопаты — 11, 2, 4). К сожалению, слова Катона не позволяют представить форму этих, восхваляемых им, съёмных лемехов: может быть, они были трубкообразными, как на плуге с нашей статуэтки, а может быть, имели тот вид, который представлен на статуэтке из Ареццо (см. ниже).

Рукоятки в плуге из Чивита Кастелляна нет, но она, разумеется, имела. На медальоне Коммода, на котором он представлен в виде Геркулеса, основателя нового Рима, изображен именно этот тип плуга: рукоятка вставлена в грядиль, недалеко от его основания. И здесь и там подошва в задней своей части, обращенной к пахарю, имеет небольшой выступ: пахарь становился на него (как мы и видим на медальоне Коммода), чтобы придать плугу больше тяжести и заставить его глубже войти в землю¹. Этого же вида плуг изображен и на бронзовой римской пластинке из Копенгагена.

Такие плуги были, конечно, очень древними. Это не значит, что в Италии настало время, когда они превратились в музейную редкость. Плиний в своем перечне плугов (указ. место) называет плуг такого типа „обычным колом с клювом“ (*genus volgare rostrati vectis*): надо признать, что трудно придумать определение более простое и живописно точное.

Статуэтка из Ареццо. „Кол с клювом“ мог быть и другой формы: мы видим его на статуэтке из Ареццо (табл. 2). Подошва этого плуга составляет вместе с грядилем один кусок дерева, но стоит не параллельно к земле, как у плуга из Чивита Кастелляна, а под углом, примерно в 45°; грядиль почти прямой; в него вделана рукоятка с поперечиной. Особенно интересен лемех: это — не знакомая уже нам

¹ Один путешественник XVIII в. рассказывает, что он видел под Римом пахарей, стоявших на плуге на специально предназначенной для этого его части; плуг, по словам путешественника, представлял собой один лемех без передка и колес, и пахари „тяжестью своей помогали работе лемеха“. (P. J. Grosley. *Nouveaux mémoires ou observations sur l'Italie et sur les italiens*, vol. III, Londres, 1764, p. 12—13.

трубка, а железный „лапоть“ без задка, который надет на деревянный „клюв“-подошву и прихвачен к ней двумя, конечно, подвижными кольцами. С помощью их и вкладышей „лапоть“ можно было поднимать и опускать, т. е. пахать глубже или мельче; можно было переносить „лапоть“ направо или налево. В этом было значительное преимущество плуга из Ареддо перед плугом из Чивита Кастеллана. Вообще же такие пахотные орудия рыхлили почву и хорошо разбивали земляные глыбы. На каменистых почвах трубообразные лемехи незаменимы, потому что, натываясь на камни, они не ломались и не сгибались. Простота устройства, дешевизна, прочность и относительная легкость „кола с клювом“ должны были обеспечить ему широкое применение в бедных крестьянских хозяйствах древней Италии. Переворачивание земляного пласта, однако, произвести таким орудием невозможно, а что землю в древней Италии, вспахивая, переворачивали, мы увидим в дальнейшем. Остается, следовательно, предположить, во-первых, что были хозяйства, где работали „колом с клювом“, потому что „кол“ этот был дешев, а землю переворачивали вручную, лопатой — так в наших старых крестьянских хозяйствах пахали сохой, когда у соседа-помещика работали уже плугом последней марки; во-вторых, — что были работы, которые лучше было производить „колом с клювом“, например вторичную вспашку, целью которой была разбивка земляных глыб, вывернутых при взмете пара (Варрон, 1, 29, 2); в-третьих, — что были почвы, на которых всего удобнее было пахать таким плугом.

Плуги с монет. Рассмотрим теперь плуги с упомянутых выше монет, относящихся к 50—29 гг. до н. э. Все они более или менее одинаковы, и все, очевидно, в родстве со старым „колом с клювом“: у всех имеется кривой округлый грядиль, этой округлостью выдающий свое происхождение от древесного сука, и подошва, составляющая около половины грядиля и заостренная к концу (она целиком видна на монете Метелла). На этом сходство кончается.

От „кола с клювом“ плуги эти существенно отличаются местом, где находится рукоятка: она вделана в подошву сразу же за грядилем; поперечина, длинным концом обращенная к пахарю, превращает рукоятку в рычаг, регулирующий ход подошвы и тем самым всего плуга. В этих плугах, кроме того, пахарю некуда поставить ногу: не требовалось, следовательно, увеличивать тяжесть плуга весом работника; плуг был достаточно тяжел сам по себе.

Плуг из Теламоне. Плуг этот (табл. 3) составлен из трех отдельных кусков дерева: грядиль, совершенно прямой, скреплен с подошвой болтом; рукоятка с длинной поперечиной вделана в грядиль; подошва резко отличается от тех, которые мы до сих пор рассматривали, — это очень массивный кусок дерева, по форме своей скорее всего напоминающий башмак, удлиненный и острый конец которого служит лемехом. Представим себе этот плуг в работе. Его лемех, который имел, вероятно, форму равнобедренного треугольника, входя в землю, подрезает земляной пласт, который, вползая до точки, где „носок“ переходит в „голень“, должен, при малейшем наклоне плуга влево или вправо, опрокинуться и упасть. Подошва этого плуга представляет собой соединение лемеха и отвала: по существу такое устройство основано на том же принципе, что и устройство современного шведского плуга. Именно плуг такого типа видим мы на монетах Мария, где изображена сцена пахоты: башмакообразная подошва с прямым, вделанным в нее грядилем и с рукояткой, так же вставленной в грядиль, как на статуэтке из Теламоне.

Займемся теперь литературными источниками, начав с Плиния и предварив наш комментарий несколькими замечаниями.

Плиний. Естественная история, XVIII, 171 — 173. Стиль Плиния вообще не отличается ясностью. Он весьма любил изысканность выражений и умел говорить об очень простых вещах очень запутанным языком. Запутанность эта еще увеличивалась, когда он был не в силах справиться со своим материалом и когда в его распоряжении не имелось достаточной и четкой терминологии. Все это вместе взятое делает его текст, посвященный плугам, и трудным и темным. Чтобы понять его, надо прежде всего установить, какое значение вкладывает он в употребляемые им термины. В своем описании плугов он занят, преимущественно, лемехами и начинает так: „лемехи бывают многих видов“ — *vomerum plura genere* — и непосредственно дальше: „ножом (*culter*) называется кривой (лемех), разрезающий землю прежде, чем она поднята, и предписывающий (*praescribens*) будущим бороздам место, куда вцепится (*mordeat*) при пахоте лежащий плашмя лемех (*vomer*)“. В трех строчках, следовательно, одно и то же слово *vomer* употреблено в двух разных значениях: во-первых, в обычном, узком — *vomer* — лемех и, во-вторых, в расширенном, когда и другая режущая часть плуга, в данном случае резак, тоже называется *vomer*. Почувствовав сам, что такая неопределенность может сбить читателя, Плиний ввел новый термин, который служит для него синонимом *vomer* в обычном, узком значении, а именно *cuspis* („острие“ копья, стрелы). Что *cuspis* означает в этих параграфах, посвященных плугу, именно лемех, это не подлежит сомнению: „*cuspis* имеет вид лопаты“ — лопатообразным в плуге может быть только лемех. „*Cuspis* у четвертого вида (плуга) шире и острее; он заканчивается так же, как меч (*in mucrone fastigata*), и этим самым мечом разрывает землю и острыми сторонами разрезает корни трав“ — речь идет, бесспорно, о лемехе. Установив таким образом значение *cuspis*, обратимся к „третьему виду (плуга) для легких почв... с маленьким лемехом на клюве“ (*tertium in solo facili, nec toto porrectum dentali, sed exigua cuspidе in rostro*). С „клювом“ дело обстоит довольно просто: вспомним, что у „кола с клювом“ под этим последним словом разумелась подошва. Как к *vomer* Плиний подобрал синоним *cuspis*, так и для *dentale* он нашел живописное *rostrum*: вместо „клюва“, следовательно, мы можем подставить „подошву“. Остается середина фразы: *nec toto porrectum dentali*. Слова *toto dentali* можно понимать и как *abl. loci* и как *abl. qualitatis*. Разница будет невелика, но все-таки будет. В первом случае следует перевести: „третий вид (лемеха) вытянули не на всю подошву“ (примером такого плуга может служить плуг на статуэтке из Чивита Кастелляна, где лемех, действительно, закрывает не всю подошву); во втором „не вытянут целиком в подошву“, иными словами, „не представляет собой целиком подошву“. Что это значит? Лемех должен к чему-то прикрепляться; дальше мы увидим, что *vomer* у Плиния обозначает еще и отвал, непосредственно соединенный с лемехом; подошвы обычного типа (на изображениях с монет, на статуэтке из Чивита Кастелляна) здесь нет. Это тип плуга из Теламоне. В Майнце были найдены бронзовые игрушечные плужки римского времени, о которых тоже можно сказать, что лемех заменяет у них подошву. Этот тип плуга продолжает и по сей час существовать в Германии в форме кельнского *Wessel*'я. Весьма вероятно, что майнцские плужки воспроизводили собой какой-то итальянский плуг: вряд ли у германцев того времени мог существовать плуг уже столь развитой формы. Осторожнее, однако, на этом предположении

не настаивать, потому что одно место Плиния, допускающее при этом разное толкование, не дает для него прочной основы.

Как бы то ни было, мы имеем здесь у Плиния противопоставление тяжелого плуга легкому. Этот последний „с маленьким лемехом на подошве“ предназначался для легких почв; об этом именно плуге говорит Колумелла, упоминая о пахоте *exiguus vomeribus et dentalibus* (II, 2, 24). Плуги эти были, повидимому, теми „кампанскими плугами“ — *agatra campanica*, — которые „хороши будут для рыхлой почвы“ (Катон, 135, 2) и которые Варрон называл „легкими“, упоминая их тоже в связи с Кампанией, где такими плужками работали на коровах или даже на осликах (I, 20, 4). О форме его лемеха мы ничего сказать не можем; зато лемех четвертого вида, о котором речь была выше, описан точно и ясно: это равнобедренный треугольник с закругленной вершиной (*in mucronem fastigata*), отточенный с обеих сторон. Плуг с таким лемехом, широким и обоюдоострым, применялся на травянистых почвах и противопоставлен был Плинием легкому плужку, о котором только что шла речь. Что плуг этот был действительно тяжел, об этом свидетельствует прибавление к нему „двух колесиков“, о чем Плиний говорит, как о „недавнем изобретении в галльской Ретии“. В этом плуге „лемех (*cuspis*) имеет вид лопаты, ... благодаря ширине своей *vomer* переворачивает дерн“.

Мы видели уже, что Плиний обозначает словом *vomer* и „лемех“, и „резак“. Ни лемех, однако, как бы широк он ни был, ни тем более резак переворачивать землю не могут. Слова Плиния имеют смысл только в том случае, если *vomer* обозначает в данном случае не одну режущую часть плуга (она названа *cuspis*), а в соединении ее с отвалом: нечто вроде того, что мы уже видели у плуга из Теламоне. Таким образом, *vomer* употреблен здесь в третьем значении; лемех — часть плуга, с которой он непосредственно соединен, но которая отнюдь не похожа на подошвы большинства плугов, изображенных на монетах и статуэтках, упомянутых выше.

Нам понятны теперь затруднения, которые испытывал Плиний, говоря о лемехах и плугах: ему не хватало слов для точного обозначения плужных частей, столь разных у различных плугов. Ужели можно было назвать рабочую часть плуга из Теламоне „подошвой“ — тем же словом, которым обозначали соответственную часть такого плуга, который был изображен хотя бы на монетах Метеллы или Цезаря? Вводя новые термины и растягивая, если можно так выразиться, смысл старых, общеупотребительных, Плиний запутал и затемнил свой текст настолько, что самое осторожное толкование его слов будет всегда заключать в себе долю предположительности. Мы можем, однако, комбинируя его слова с данными изобразительных памятников, перечислить те виды лемехов, которые имелись в древней Италии: лемех в виде трубки: статуэтка из Чивита Кастелляна; лаптеобразный лемех: статуэтка из Аретцо; лемех в форме равнобедренного треугольника с закругленной вершиной; лопатообразный лемех (оба последних упомянуты у Плиния).

Описание плуга у Вергилия. Древняя Италия оставила нам еще одно описание плуга: оно сделано Вергилием („Георгики“, I, 169—175).

Если страница Плиния, посвященная плугам, представляет собой ряд головоломок, то стихи Вергилия тоже не отличаются большой ясностью. Начало вполне понятно: „В лесу, прилагая все силы, сгибают для грядилы вяз, заставляя его принять форму кривого плуга“, — имеется достаточное количество изображений такого кривого грядила. „К нему дышло в восемь футов а *stirpe*“ — тут начались затруднения

и разногласия. *Stirps* значит буквально „комель“, „ствол у корня“; из этого основного значения и должно, как мне кажется, исходить толкование. Вергилий рекомендует брать для дышла дерево такой толщины, чтобы первые его восемь футов от корня, от комля — а *stirpe* — вполне подошли бы к грядилю, т. е. имели бы диаметр, соответствующий диаметру грядиля. Именно молодое дерево, как отличающееся наибольшей вязкостью своей древесины, и требовалось для такой части плуга, как дышло. Длина дышла — 8 футов ($2\frac{1}{2}$ м) — единственная числовая величина для плуга, нам известная, и в качестве таковой совершенно бесполезная¹. Естественно предположить, конечно, что при изготовлении плуга соблюдались такие пропорции, при которых вол не мог бы поранить ногу о лемех; такие случаи, однако, иногда происходили (Колумелла, VI, 15, 1): были, следовательно, плуги с короткими грядилем и дышлом. „Прилаживаются два „уха“ и подошва с двойной спинкой“: приведенное выше объяснение Варрона позволяет на „ушах“ не задерживаться; зато „подошва с двойной спинкой“ достаточно помучила комментаторов. Правильнее всего, конечно, слушаться Сервия, который жил в Италии и видел то, о чем писал. Он дает, однако, два возможных объяснения: „Подошва называется двойной или потому, что она широка, или же потому, что она, действительно, двойная и обе стороны у нее выдаются (*cuiusque utrumque latus eminent*) — таковы плуги в Италии“. У нас нет ни одного античного памятника, который мог бы иллюстрировать это объяснение. Гоу предполагает, что для уменьшения веса пластины, взятой на подошву, ее вырезали так, что она получала форму опрокинутой буквы V. В развилку такой пластины вставляли грядиль, который эта развилка и зажимала². В Италии XVIII в. были такие плуги, и весьма вероятно, что идут они от глубокой старины. Есть, однако, одна подробность в вергилиевом описании, которая мешала бы принять это объяснение: „Срубает легкую липу для ярма и высокий бук для рукоятки, которая поворачивает, находясь сзади, низ колесницы (*currus imos*)“. Вергилий был точен в употреблении слов: поворачивать „низ колесницы“, т. е. подошву, могла только рукоятка, в эту подошву вделанная; между тем места для нее в такой подошве с развилкой нет. Вставить ее в грядиль при таком устройстве, не закрепив грядиль боковыми присошками (а о них у Вергилия речи нет), вряд ли возможно, потому что повороты плуга в конце концов грядиль расшатывают, и он может во время пахоты выскочить из развилки. Не разумел ли Вергилий под „двойной спинкой“ скорее плуг с башмакообразным станом типа плуга из Теламоне и плугов с монет Мариа? Вопрос остается нерешенным.

Перейдем теперь к словам *currus imos*, „низ колесницы“. Слово „колесница“ наделало больших бед. Плуг, о котором пишет Вергилий, был без дальних рассуждений объявлен колесным, и этот мнимый колесный плуг послужил основанием для создания теорий, более смелых, чем убедительных. Чтобы решить вопрос о том, имелись ли у вергилиева плуга колеса, следует принять в расчет следующее: во-первых, слово *currus* в поэтическом языке отнюдь не означает обязательно колесницу; Катул называет корабль аргонавтов *currus*; никто, однако, не сделает отсюда вывода, что Ясон и его товарищи приделали к Арго колеса; во-вторых, Плиний говорит о „паре колесиков, добавленных

¹ Гоу (The Ancient Plough, p. 271), опираясь на сообщение Катона (63) о длине вожжей для телеги, хочет определить длину грядиля. Вряд ли можно считать убедительными его рассуждения: вожжи для телеги и плуга могли быть разной длины.

² A. S. F. Gow. The Ancient Plough, p. 272.

к плугу“, как о недавнем изобретении (*non pridem inventum*): вряд ли можно было говорить, как о новинке, о плуге, бывшем в употреблении, самое меньшее, сотню лет; в-третьих, слова Сервия: „Он сказал «колесница» на основании обычая своей провинции, где у плугов имеются колеса“, — убедительной силы не имеют: ко времени Сервия „недавнее изобретение“ плиниевых времен могло получить значительное распространение, и Сервий переносил на I в. до н. э. то, что он видел вокруг себя в IV в. н. э.¹ И наконец, нет ни одного античного памятника с изображением колесного плуга².

Очень интересен выбор деревьев для плуга и запряжки: для ярма рекомендуется самое легкое дерево — липа; для рукоятки — крепкий бук и для грядила — вяз, который отличается своей крепостью и вязкостью, т. е. способностью гнуться, не ломаясь.

Обратимся теперь к самой пахоте.

Термины, обозначающие пахоту. Объяснение терминов, обозначающих пахоту, оставил нам Варрон: „Когда землю пахут в первый раз, то называют это *proscindere*; когда двоят (*iteratur*), то говорят *offringere*... Когда пахут в третий, то говорится, что волы *ligant*, т. е. с помощью дощечек, прибавленных к плугу, одновременно и прикрывают в гребнях посеянную пшеницу и бороздят канавки для стока дождевой воды“ (I, 29, 2). Терминология эта, создавшаяся, конечно, в среде земледельческой, удержалась и в дальнейшем, насколько мы можем судить, основываясь на языке Колумеллы и Плиния, но с некоторыми изменениями.

Первая вспашка у Колумеллы почти всегда обозначается словом *proscindere*, а поднятая земля — субстантивированным причастием *proscissum*. То же найдем мы и у Плиния. Для вторичной вспашки слово *offringere* у Колумеллы почти не употребляется: оно заменено термином *iterare*, который наше „двоить“ передает в точности. *Ligare* сохранилось для обозначения той заделки семян, о которой рассказывает Варрон, но третья вспашка обозначается словом *tertiare* — „троить“. Можно предполагать, что в тех местностях, где трехкратная вспашка была или стала обычной, обозначение ее — *tertiare* — содействовало закреплению за второй вспашкой термина *iterare*, который и вытеснил *offringere*.

Внимание земледельца было перенесено на „порядковый номер“ пахоты в виду того, что самая сущность двоения и троения была одинакова: и то и другое имело целью разбить комья земли, вывернутые при взмете пара; разница была только в том, что целью вторичной вспашки было раздробить более крупные глыбы, а третьей — комья поменьше. Чрезвычайно интересно и важно отличие первой вспашки от остальных, о котором говорит Плиний: „Прежде чем пахать, подними землю“ (*priusquam ares, proscindito*): польза этого в том, что когда дерн перевернут, то корни трав умирают (XVIII, 176).

Текст этот подводит нас к вопросу о том, переворачивал италийский плуг землю или нет? Вопрос этот отнюдь не так безобидно-академичен, как это кажется. Немецкие историки-националисты конца прош-

¹ Гоу указывает еще, что колесный плуг обычно имеет прямой грядиль, тогда как у вергилиева плуга грядиль кривой. (Указ. соч. стр. 270). Имеются, однако, и колесные плуги с кривым грядилем, например плуг из Бормио (см. „*Wörter und Sachen*“, Heidelberg, 1914—1915).

² Поддельность геммы с изображением колесного плуга („плуг из Магнезии“) из коллекции графа Келюса теперь настолько общепризнана, что о ней можно просто забыть.

лого века и начала нынешнего, которых мы по всей справедливости можем считать духовными отцами фашистских лжеисториков, объявили, что римляне умели только ковырять землю, что настоящий плуг с отвалом — это изобретение германского племени и что весь романский мир и славяне в придачу пошли в науку к немцам, чтобы от них узнать, как надо по-настоящему пахать землю. Надо отдать справедливость честным традициям старой немецкой науки: скромный нассауский археолог Г. Белен¹ первый выступил против такого авторитета, как Мейтцен, указав на неоднократное употребление римскими авторами, когда речь заходит о пахоте, слова *vertere* — „переворачивать“ — и на невозможность без переворачивания земли целого ряда работ, например запахования зеленого удобрения или навоза. У древних писателей-агрономов мы постоянно встречаем такие выражения: „запахать навоз и засыпать его землей“ (Колумелла, II, 5, 2: *inarari et obrui* — обычное для Колумеллы параллельное употребление двух синонимов); „лемех пусть срежет и засыплет землей“ (корни скошенной вики) — *rescindat atque obruat* (там же, 13, 1). Мы только что привели текст Плиния, где совершенно ясно говорится о переворачивании дернового пласта. Говоря о работе лопатой, Плиний употребляет тот же глагол *vertere*, которым определяет и работу плуга; что лопата переворачивает землю, в этом сомнения нет². Очень убедительно одно место у Колумеллы (II, 15, 6), где говорится о запашке лупина: „Срезать лупин на песчаных местах следует, когда он выгонит второй цветок, на скользких (т. е. на глинистых) — когда третий. Там (т. е. на песке) его переворачивают, пока он еще не окреп, чтобы он скорее перегнил и смешался с легкой почвой; здесь (т. е. на глинистой земле), когда он стал уже твердым, — чтобы он смог подольше держать на себе, как на весу, довольно крупные комья земли“. Совершенно ясно, что лупин перевернут вместе с пластом земли, который прикрывает срезанные растения и сам лежит на этих перевернутых стеблях, как на подставке. Все эти места бесспорно свидетельствуют о том, что итальянский пахарь не только рыхлил землю, но и переворачивал ее своим пахотным орудием. Каким, однако?

Совершенно ясно, что „кол с клювом“ ни того типа, который представлен на статуэтке из Чивита Кастелляна, ни того, который мы имеем на статуэтке из Ареццо, переворачивать землю не мог; к плугам, изображения которых имеются на монетах, нужно было для выполнения этой работы приделывать отвал. Римские писатели-агрономы, однако, рассказывают о добавлении „ушей“ для заделки семян, но нигде не упоминают о том, чтобы к плугу прилаживали лишь одно „ухо“ для отваливания подрезанного пласта. Молчание это не дает основания думать, что этого никогда и не делали, но и не позволяет утверждать обратного: аргументы *e silentio* не обладают большой убедительностью. К счастью, у нас имеется рассказ Колумеллы о пахоте, который

¹ H. Behlen. *Der Pflug und das Pflügen*, Dillenburg, 1904.

² Ввиду важности вопроса приведем ряд текстов: Колумелла, I, 7, 9: „Рабы небрежно переворачивают землю“ — *terram vertunt*; II, 1, 6: „Опавшие листья... перевернутые сошником и смешанные с нижним слоем почвы“ — *folia... conversa vomeribus*; Плиний, XVIII, 135: „Лупин следует перевернуть, когда на нем появится третий цветок“ — *verti debet*; там же, 147: „Если травы заглушили (люцерну), то единственное средство — в частом переворачивании (земли) плугом, пока все другие корни не погибнут“ — *remedium unicum in aratro saepius vertendo*. Работа лопатой: Колумелла, X, 45: „Пусть тогда крепкая, обитая железом лопата перевернет сито“: *ferrato versetur robore palae dulcis humus*; Плиний, XVIII, 46: „Поле, заросшее ситником, следует перевернуть лопатой“ — *verti pala debet*; там же, 236: „Землю под розы и для посадки виноградника следует перевернуть двойным заступом“ — *vertere bipalio oportet*.

позволяет представить себе и плуг того времени и технику работы этим плугом: „Пахарь должен идти по взметанному уже пару (*per proscissum*) и держать плуг попеременно на одном заходе (*versus*) наискось, а на другом — прямо, глубоко забирая землю — *recto plenoque sulcare*“ (II, 2, 26). Невозможно предполагать, конечно, что Колумелла рекомендует вспахивать поле разными полосами: совет его приобретает смысл только в том случае, если он относится к одной и той же борозде — пахарь шел ею дважды; в первый раз он подрезал пласт дерна и переворачивал его: для этого нужно было держать плуг наклонно, потому что только такое положение плуга и обеспечивало отваливание подрезанной полосы; однако глубоко взрыхлить землю, ведя таким образом плуг, было невозможно. Чтобы это сделать, надлежало держать плуг совершенно прямо, полностью погружая его лемех (*plenoque sulcare!*) в землю. Вспашка каждой борозды разбивалась на две операции, и теперь понятно, почему Плиний (XVIII, 176), перечисляя „законы пахоты“¹, делает разницу между *proscindere* „взрезать землю“, „взметывать пар“ и *agere* — „пахать“. Можно представить себе, какой тяжелой работой была такая пахота: пахарь должен был, проходя бороздой первый раз (борозде полагалось быть длиной в 120 римских футов = ок. 35 1/2 м), удерживать почти всю тяжесть плуга на собственных руках и следить еще при этом за волами. О трудности первой вспашки свидетельствует то обстоятельство, что на взмет югера (ок. 1/4 га) полагалось два дня (Колумелла, II, 12, 1) и только на легкой почве — один (Плиний, XVIII, 178). Вполне естественно, что рабы, ничуть не заинтересованные в преуспевании господского хозяйства, старались по возможности облегчить себе эту пахоту, и недаром Колумелла жаловался, что, оставленные без присмотра, они „плохо переворачивают землю“ (I, 7, 6).

Мы не можем нарисовать себе со всей ясностью форму плуга, работу которого описывает Колумелла, но можем представить его тип. Чтобы отваливать землю, он должен был иметь лемех (вероятно, в виде равнобедренного треугольника), с которым непосредственно соединялся отвал, не настолько совершенный, чтобы отваливать подрезанную полосу без наклона всего плуга. По всей видимости, это было орудие типа плуга из Теламоне. Для вторичной вспашки, которую производили в поперечном направлении по отношению к первой (Плиний, XVIII, 178), брали, вероятно, плуг другого типа, а именно „кол с клювом“, очень удобный именно для разбивания земляных комьев и глыб².

Все ли хозяйства пользовались плугами этих двух типов? Колумелла был передовым хозяином, который стремился максимально рационализировать свое хозяйство и не останавливался для этого перед расходами. Не следует, однако, думать, что плугом, который он имеет в виду, работали только в хозяйствах, хорошо и умно организованных. Описывая работу пахаря, Колумелла излагает ее правила, как нечто общеизвестное и общепризнанное³. Такими они, конечно, и были. Не следует забывать, что техника земледельческих работ вырабатывалась

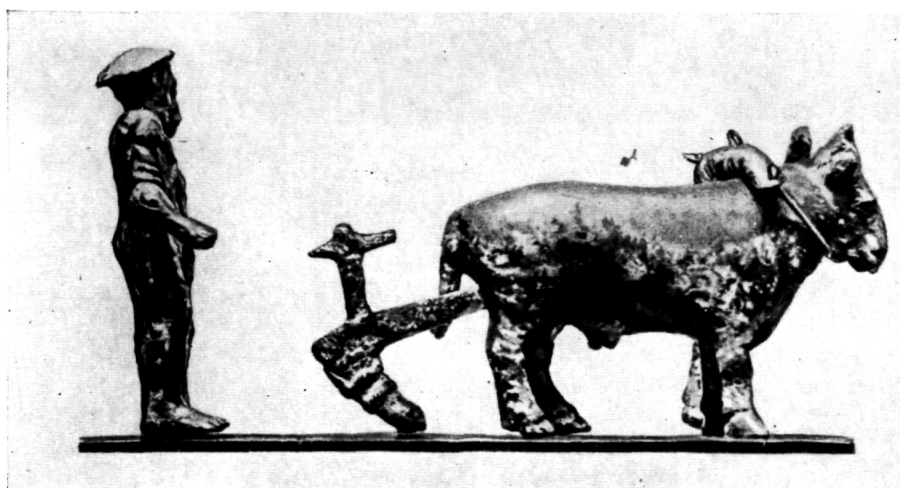
¹ „Законы“ эти сложились в давние времена. Изложены они в коротких афористических фразах, часто с глаголом в императивном инфинитиве. Эти короткие изречения напоминают стиль Катона.

² Все статуэтки, изображающие плуг, происходят из Этрурии. Это тоже дает некоторое основание думать, что в той же самой местности работали плугами разных типов.

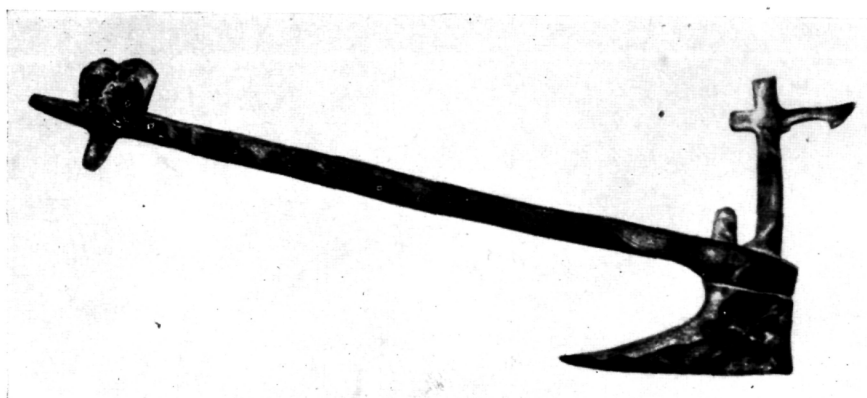
³ Эти правила во многом совпадают с „законами пахоты“ у Плиния (XVIII, 176—179), и это обстоятельство также указывает на то, что Колумелла черпает правила пахоты из сокровищницы векового земледельческого опыта.

1. Изображение плугов на монетах

2. Бронзовая модель упряжки из Ареццо

3. Бронзовая модель плуга из Теламоне

в древней Италии в маленьких, крестьянского типа хозяйствах, и что хозяин был кровно заинтересован в преуспевании своего хозяйства и урожайности своей земли. Повседневный опыт работы на земле убеждал его в пользе переворачивания взрытой глыбы и заставил придумать такое пахотное орудие, которым можно было не только рыхлить, но и переворачивать землю. Очень вероятно, что плуг из Теламоне был только одной из разновидностей плуга, переворачивающего землю, и что такой плуг видоизменялся в разных местностях в зависимости от требований почвы и рельефа местности, равно как и видоизменялся „кол с клювом“. Об этих местных вариациях мы, к сожалению, ничего не знаем и вряд ли когда-либо узнаем. Но и тот материал, который имеется в нашем распоряжении, дает нам достаточно оснований для двух хотя бы выводов: мы можем утверждать, во-первых, что итальянский земледelec, вспахивая землю, переворачивает ее, и, во-вторых, что итальянские плуги были очень разнообразны, но при всем разнообразии своем сводились к двум типам: легкие плуги, разбивавшие земляные комья и только рыхлящие землю, и тяжелые, переворачивающие земляной пласт.
